

Глава 11

Ночной покой был обманчив. Цюй Дубянь, не открывая глаз, почувствовал, как в груди поселился холодок, и замер, силясь сохранить ровное дыхание.

В комнате был посторонний.

[Обнаружен новый персонаж: И Шиэр]

[Текущее отношение: 0 (Незнакомец)]

Раздел «отношений» в симуляторе фиксировал далеко не каждого. Во-первых, он не показывал уровень благосклонности кровных родственников — наличие родственных уз слишком упрощало бы задачу, что считалось бы мошенничеством. Во-вторых, требовались «встреча» и «судьба».

Понятие «судьбы» было слишком туманным, чтобы его обсуждать, но вот «встреча» была вполне ясна. Раз симулятор выдал это уведомление посреди ночи, значит, человек по имени И Шиэр находился прямо сейчас в его спальне.

«Убийца, присланный по мою душу?»

Нет, вряд ли. Это императорский дворец, самое сердце столицы. Как мог наёмник так дерзко проникнуть сюда, чтобы убить принца?.. Хотя, кто знает.

Цюй Дубянь мысленно прикусил язык. В любую эпоху хватало безумцев.

После инцидента в большой кухне ему перестали приносить «лекарство от простуды» из императорской медицинской академии. Вероятно, тот, кто стоял за этим, понял, что принц выжил, и, опасаясь разоблачения, прекратил поставки.

«Неужели они так сокрушались, что я не умер, что перешли к тактике прямого устранения?»

Прошлый раз была тайная интрига, а теперь — обнажённый клинок. Не слишком ли резкий переход? Так не должно быть.

«Спокойно. Спокойно».

Сжатые в кулаки руки Цюй Дубяня медленно разжались.

Если его и впрямь убьют, то смерть принца в тот самый момент, когда положение во дворце

Цзюйань только начало улучшаться, станет пощёчиной для его дешёвого папаши. Тот непременно устроит тщательное расследование, и закулисный кукловод не получит ничего, кроме лишних проблем. Посылать убийцу к такому незначительному ребёнку, как он, было совершенно бессмысленно.

Напрягшись до предела, он уловил тихий шелест, похожий на звук разворачиваемой бумаги.

«?»

«Бумага... а в ней яд?»

Эта мысль принесла ему странное облегчение. С симулятором яды были ему почти не страшны — они лишь превращались в очередной тип болезни, пополняя его коллекцию.

И Шиэр распылил немного усыпляющего порошка в сторону Вэнь Сяочуня и Е Сяююаня, после чего, стоя у кровати, принялся рисовать.

Перед тем как отправить его на это задание, глава стражи литеры И велел ему подробно записывать быт маленького принца. Это была его первая вылазка, и, не зная, насколько детальным должен быть отчёт, И Шиэр решил просто зарисовать всё окружение его высочества.

Он рисовал бесшумно и быстро. Несколько скупых штрихов — и на бумаге возникал живой, точный образ.

Закончив с общим планом, он бесшумно, словно тень, опустился у самого ложа и поднял край недавно сменённого лёгкого полога.

Ребёнок внутри спал, весь покрытый испариной. Почувствовав, должно быть, прохладу, исходившую от незваного гостя, он слегка нахмурил брови и резко перевернулся на другой бок, выставив попу и отвернувшись.

От этого движения одеяло сползло на пол.

На ребёнке была лишь выцветшая от стирок повязка-дудоу. Он был так худ, что завязки на спине свисали длинным хвостом. Мальчик вздрогнул, видимо, от холода.

«Чёрт, одеяло упало. У меня сейчас мурашки по коже пойдут!»

Цюй Дубянь задержал дыхание до предела, лишь чудом сохраняя видимость спокойного сна, чтобы не выдать себя.

В следующую секунду упавшее одеяло снова накрыло его. Незнакомец не просто вернул его на место, но и заботливо, с особой тщательностью, подоткнул края.

«...?»

Укрыв его, человек не ушёл. Цюй Дубянь снова услышал тихое шуршание грифеля по бумаге. Лишь после этого «убийца» аккуратно опустил полог, возвращая всё в первоначальный вид.

Цюй Дубянь снова перевернулся.

И Шиэр замер и ещё раз взглянул на кровать. Убедившись, что одеяло на месте, он окончательно закрыл полог.

Цюй Дубянь беззвучно открыл глаза и в тот самый миг, когда полог опустился, отчётливо разглядел на туго облегающем чёрном рукаве «убийцы» вышитую бледно-голубую холодную орхидею.

Холодная орхидея была государственным цветком Великой Чжоу. Она цвела круглый год, обладая невероятной жизненной силой. Обычно её лепестки были нежно-голубыми, но в самые лютые зимние морозы они становились кроваво-красными.

Сортов орхидей было множество, и жители Чжоу их очень любили. Даже на одежде спутника Е имелся узор в виде орхидеи.

Но не всякий мог позволить себе вышить на одеянии именно холодную орхидею.

Спутник Е однажды рассказывал ему, что на это требовалось личное разрешение императора. Даже членам императорской семьи и князьям не позволялось носить этот символ без высочайшего соизволения. На его собственной детской повязке-дудоу был вышит этот цветок — её сшили из ткани, некогда подаренной императором наложнице Юнь. Во всём внутреннем дворце лишь она удостоилась такой чести.

Значит, И Шиэр — человек его дешёвого папаши? Раз он носит на одежде государственный цветок, возможно, он даже состоит на службе.

Цюй Дубянь погрузился в раздумья.

Судя по действиям этого человека, злых намерений у него не было.

И Шиэр... Странное имя. Основываясь на многолетнем опыте просмотра дорам, Цюй Дубянь предположил, что перед ним был легендарный тайный страж — безжалостный, лишённый собственной воли, чьё имя было лишь порядковым номером.

Какое избитое клише.

Но что ему здесь было нужно? Цюй Дубянь невольно начал строить теории заговора. Он ворочался в постели, и сон окончательно покинул его.

Тем временем снаружи, на голой ветке вяза, сидел И Шиэр. Он, не меняя выражения лица, сунул за пазуху только что законченный рисунок ребёнка в красной повязке-дудоу, виднеющейся из-под одеяла.

Холодный ветер овеял его, и он тоже почувствовал, как сонливость улетучивается.

Записывать каждый чих — это ещё полбеды, но укрывать одеялом задницу начальственного отпрыска... Когда же закончится эта смена?

Лишь глубокой ночью, не в силах больше бороться с усталостью, Цюй Дубянь погрузился в беспокойный сон.

Ему приснился кошмар: он проспал, а когда проснулся, обнаружил, что ему осталось жить всего десять секунд. В отчаянной попытке продлить время, он начал выполнять движения тайцзи, но в процессе его тело в буквальном смысле рассыпалось на куски, а спутник Е и Сяочунь, рыдая, собирали его останки, чтобы сварить из них кашу...

Он проснулся, лёжа в кровати с лёгкой головной болью, и долго смотрел в потолок.

В комнате царил тишина.

Сквозь щели пробивался утренний свет, и откуда-то доносилось пение птиц.

Цюй Дубянь моргнул, потянулся и, нащупав под одеялом тёплую одежду, принялся одеваться.

«Ты можешь определить, находится ли И Шиэр поблизости?» — мысленно спросил он, зевая.

«Подумай хорошенько, прежде чем отвечать. Как я смогу спокойно учиться, зная, что за мной наблюдает этот неизвестный И Шиэр? Если у него дурные намерения и он донесёт, что я хожу в школу, меня туда больше не пустят. А раз я не попаду в школу, то не научусь писать. А если я не научусь писать, то не смогу составлять эссе, а значит... Впрочем, можно и остаться неграмотным, если ты позволишь мне писать на современном китайском. Или, может, ты предпочитаешь подождать несколько лет? Пока мой дешёвый папаша не вспомнит обо мне и не отправит учиться. Или пока меня не убьют. Тогда и найдёшь себе нового носителя, грамотного и в самом расцвете сил».

[...]

[Запрос носителя обоснован. Симулятор предоставит данные о расстоянии до И Шиэра в реальном времени.]

Цюй Дубянь довольно улыбнулся.

«Где он сейчас?»

[На расстоянии 10 метров от носителя.]

«А можешь, как какая-нибудь навигационная карта, показать мне его точное местоположение?»

Симулятор молчал. Цюй Дубянь скривил губы. Что ж, в прощупывании границ тоже нужно знать меру. Сегодняшний результат — уже неожиданная удача. Похоже, он, как носитель, значил для симулятора больше, чем предполагал.

Десять метров... Должно быть, снаружи, во дворе.

Он догадывался, что после сна и инцидента в большой кухне его дешёвый папаша наконец-то проявил к младшему сыну толику внимания и тайно прислал кого-то понаблюдать.

Но догадки оставались догадками, полной уверенности не было.

Когда Сяочунь разведает маршрут до Шести дворцов Восточного сада, он сможет тайно отправиться в школу. Этот случай как раз поможет проверить его предположения.

Приняв решение, Цюй Дубянь выбросил И Шиэра из головы и под его незримым наблюдением продолжил свой день: занимался тайцзи, ел, вёл себя как обычно.

Вечером И Шиэр с несколькими листами бумаги вернулся во дворец Цзычэнь.

Он представил пять рисунков и ровным, бесстрастным голосом доложил обо всём, что видел во дворце Цзюйань, не упустив ни единой детали, — куда более тщательно, чем это сделал бы внук Юй.

Император Чунчжао пролистал рисунки.

На первом была изображена спальня дворца Цзюйань. Судя по всему, это была ночь. Два евнуха спали на полу у кровати своего господина. Он холодно хмыкнул.

— Эти слуги совершенно не знают правил.

— В других дворцах, кажется, нет кроватей, — сказал И Шиэр. — В покоях его высочества тепло. Подданный предполагает, что принц либо боится спать один, либо они экономят уголь.

— Юй Дэцай! — громко позвал император.

— Ваше Величество, — отозвался евнух Юй из-за ширмы. Тайным стражам не подобало показываться на глаза кому-либо, кроме императора, поэтому он мог стоять лишь там.

— Разве мы не пополнили запасы совсем недавно? Неужели во дворце Цзюйань всё ещё не хватает угля?

— Нехватки быть не должно, Ваше Величество, — почтительно ответил евнух Юй. — Вероятно, это старая привычка, оставшаяся со времён нужды.

Император на мгновение замолчал.

— Продолжай.

Стражи литеры И не отличались выдающимися боевыми навыками, но все без исключения обладали феноменальной памятью. И Шиэр мог дословно воспроизвести каждый разговор, услышанный им прошлой ночью во дворце Цзюйань, или же кратко и ёмко изложить суть событий. Всё зависело от ситуации. Сейчас, разумеется, требовалась максимальная точность.

Пока он говорил, император перевернул страницу. На этом листе был изображён спящий ребёнок, лица которого не было видно. Это и был его сын, которого он не видел почти три года.

Ребёнок был одет в повязку-дудоу. Поскольку это был быстрый набросок углём, цвет одежды был неразличим, но взгляд императора замер на знакомом узоре на её краю.

Это была холодная орхидея.

Император Чунчжао помнил, как во время беременности наложницы Юнь он, вне себя от радости, приказал лучшим вышивальщицам украсить отрез красного шёлка узором из цветущих холодных орхидей. Из всех принцев и принцесс дворца лишь ребёнок Юнь удостоился такой чести.

Он мечтал, что из этой ткани сошьют шапочку в виде тигриной головы, игрушки, маленькую одежду — неважно, для мальчика или для девочки.

Он думал, что этот отрез шёлка до сих пор хранится в запечатанном дворце наложницы Юнь, но, видимо, во время переезда слуги забрали его с собой во дворец Цзюйань.

Надежды и благословения прошлого всё же обрели форму, став одеждой для этого ребёнка.

Сердце императора тронула внезапная волна чувств.

Он перевернул ещё одну страницу.

На третьем рисунке был изображён двор дворца Цзюйань.

У предыдущего императора было лишь две дочери: одна вышла замуж и уехала в Цзяннань, другая была отдана в жёны правителю северных земель. В его собственном поколении принцесс тоже было мало, и сейчас во дворце воспитывалась лишь одна юная принцесса.

Поэтому дворец Цзюйань, где по традиции жили принцессы перед замужеством, всё больше приходил в запустение. Во дворе не было ни одного приличного украшения, лишь две верёвки для сушки белья, на которых висело несколько предметов одежды.

Четвёртый и пятый рисунки изображали утреннюю практику тайцзи и завтрак.

— Он ещё и тайцзи увлекается? — с удивлением спросил император. — Это давняя привычка, или?..

— Судя по отточенности движений, это давняя привычка его высочества, — ответил И Шиэр.

— Любит боевые искусства, это хорошо, — похвалил император. — Значит, ребёнок должен быть здоровым. Похож на меня. Я в детстве тоже был крепким.

Впрочем, и наложница Юнь с семи лет жила на границе и, естественно, обладала отменным здоровьем, иначе не выдержала бы сурового пограничного климата. Этот ребёнок, несомненно, унаследовал их лучшие черты.

И Шиэр на мгновение замаялся.

Он вспомнил тощее тельце седьмого принца, его выпирающие рёбра, которые были видны при каждом повороте. Этот хрупкий вид никак не вязался с представлением о хорошем здоровье.

Просмотрев эти пять листов несколько раз, император Чунчжао, казалось, всё ещё не мог насытиться.

— Ты... — начал он, когда И Шиэр уже собирался откланяться.

Император провёл пальцами по краю бумаги и, помолчав, сказал:

— Возвращайся, а завтра ночью придёшь снова.

«?»

«Значит, эта сверхурочная каторга всё-таки не закончится?»

<http://bllate.org/book/16117/1582688>